

Валерий БРЮСОВ

В защиту от одной похвалы

Открытое письмо Андрею Белому*

* Упрекают нас, что мы заняты самокритикованием, и называют это саморекламиранием. Смешной упрек. Критики оценивают в литературе то, что кажется им более важным, и естественно, что это более важное усматриваем мы у наших единомышленников. Г. П. Я. из "Русского Богатства" не стесняется критиковать поэтов из "Русского Богатства" или из журналов, сходных по направлению (см. его книги: "Очерки русской поэзии" и "Русская муза"), восхваляя каких-то гг. Синегубов, Шрейтеров, Башкиных или г-жу Галину. Почему же сотрудники "Весов" лишены права говорить о сотрудниках "Весов"? Да к тому же, ах! наши статьи друг о друге скорее возбуждают обиду в критикуемом, чем благодарность.

Дорогой Андрей! Статья твоя в прошлом № нашего журнала ("Апокалипсис в русской поэзии"), обличая, должно быть, по справедливости, мою "Музу" в том, что она -- "Великая Блудница на багряном звере", в то же время оказывает мне такую честь, которую я, по совести, принять не могу и от которой должен отказаться.

Назвав имена шести поэтов, Некрасова, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, меня и Блока, ты пишешь: "Только эти имена (после Пушкина и Лермонтова) и западают глубоко в душу; талант названных поэтов совпадает с провиденциальным положением их в общей системе национального творчества". Конечно, лестно оказаться в числе шести избранных, рядом с Тютчевым и Фетом, -- но не понадеялся ли ты, Андрей, слишком на свой личный вкус? Я уже не упоминаю о поэтах, значение которых можно оспаривать (напр<имер>, А. Толстой, Н. Щербина, К. Случевский), но как мог ты пропустить имена Кольцова, Баратынского, А. Майкова, Я. Полонского, а среди современников -- К. Бальмонта? Ты ответишь, что говоришь только о тех поэтах, в творчестве которых сказался "Апокалипсис". Но, как хочешь, поэтов можно мерить только по достоинствам и недостаткам их поэзии, ни по чему другому. Если в глубинах русской поэзии суждено, как ты утверждаешь, зародиться новой, еще неведомой миру религии, если русская поэзия "провиденциальна", -- то наиболее яркие представители этой поэзии и будут представителями "Апокалипсиса в русской поэзии". Если же этими представителями оказываются поэты второстепенные, это значит, что поэзия здесь ни при чем! И неужели Блок более являет собой русскую поэзию, чем Бальмонт, или неужели поэзия Баратынского имеет меньшее значение, чем моя? Ты расцениваешь поэтов по тому, как они относятся к "Жене, облеченной в солнце". Критики 60-х годов оценивали поэтов по их отношению к прогрессивным идеям своего времени. Те выкидывали из своей схемы Фета, ты -- Бальмонта. Право, разница небольшая. Оба метода подают друг другу руки. Но ты идешь до конца, ты говоришь: "только эти имена и западают глубоко в душу" -- значит, остальные не западают, *не запоминаются*. Нет, я решительно отказываюсь от чести быть в числе шести, если для этого должен *забыть* Кольцова, Баратынского, Бальмонта. Предпочитаю быть исключенным из представителей современной поэзии, вместе с Бальмонтом, чем числиться среди них с одним Блоком.

Кстати уж о двух твоих утверждениях, не относящихся прямо ко мне.

Вл. Соловьев (один из шести!) сказал где-то:

Конечно, ум дает права на глупость,
Но лучше сим не злоупотреблять.

Я боюсь, что в твоей статье (в общем прекрасной, смелой, яркой) есть кое-где... злоупотребления присущим тебе правом. В "Трех разговорах" одно из действующих лиц говорит, что "не только в воздухе, но и в душе нет полной ясности". Пользуясь этим, ты утверждаешь, что Вл. Соловьев предсказал извержение Лысой Горы на Мартинике, когда весь мир заволокло "дымкой" и не стало нигде полной ясности. Но, друг мой, Андрей, ведь это предсказание основано на игре словами. Переведи фразу Вл. Соловьева на другой язык и предсказание исчезнет. А то найдется слишком легкий способ быть пророком. Держась твоего метода, можно будет утверждать, что Бальмонт еще в 1897 г. предсказал трагическое плавание адмирала Рождественского, потому что написал: